

Современная историография КНР о «китайском социализме» Чжу Дэ

© 2012

И. Пожилов

В статье представлен анализ наиболее значимых публикаций историков КНР последнего десятилетия, посвященных представлениям одного из лидеров КПК первого поколения маршала Чжу Дэ о строительстве «социализма китайской формы». Разработанную им концепцию социалистического строительства сегодня в Китае принято считать первой в руководстве КПК попыткой отыскать собственную, «китайскую форму» социализма, отличную как от советской модели, так и казарменного коммунизма. Затронута активно обсуждаемая китайскими историками проблема восстановления подлинного статусного портрета Чжу Дэ и его реального вклада в победу революции и созидание Нового Китая.

Ключевые слова: Чжу Дэ, «китайский социализм», социально-экономическое строительство в КНР, проблемы историографии КПК

В 2010 г. в Сянгане вышел двухтомник Гу Цзэсюя «Другая биография Чжу Дэ: с благодарностью и ненавистью к Мао Цзэду»¹, вызвавший широкий резонанс среди читающей публики в Китае. Независимый автор представил маршала в качестве едва ли не равновеликой и альтернативной Мао Цзэду фигуры² (а не номинально четвертым по рангу коммунистическим лидером первого поколения, как принято считать в КНР)³. Однако нельзя сказать, что такой политический портрет Чжу Дэ стал для китайского читателя полным откровением и тем более сенсацией.

Ветераны революции, к примеру, вряд ли могли не заметить, как с конца 1930-х гг. активно и целеустремленно начала перелицовываться история КПК и Народно-освободительной армии, сопровождаясь в первую очередь забвением революционных заслуг Чжу Дэ⁴. Параллельно, вырастая из цзинганшаньской мифологии, оформлялись «военные идеи» Мао Цзэдуна⁵ — важнейшая опора его авторитета и культового образа. После провозглашения КНР⁶ дело пошло быстрее, и к 1951 г. из двух «великих вождей Чжу и Мао» остался один⁷, следом исчезло само понятие «главком НОАК», а вместо одного «отца Красной Армии» их появилось сразу десять. Замалчивались или меняли автора поистине новаторские и опережавшие время идеи Чжу Дэ, связанные с социально-экономическим строительством, коренным обновлением облика правящей партии и переносом ее усилий с истерических политико-идеологических кампаний на удовлетворение элементарных потребностей людей, выводом из-под контроля КПК и переподчинением вооруженных сил государственной власти, внесением радикальных перемен во внешнюю политику и т.д. Одновременно подтягивались к «нужному» уровню прежде

никогда не игравшие заглавных ролей умелые и эластичные функционеры, «профессиональные редакторы» резолюций ЦК.

В старой военно-политической элите знали и о другом: по-братски разделив с Мао титул вождя в первые годы вооруженной борьбы против власти Гоминьдана, Чжу Дэ не только никогда более не претендовал на лидерство, но и избегал самой возможности оказаться чуть ближе к властной вершине, как было в случае с постом председателя КНР в 1959 г., когда он спешно отказался от него в пользу Лю Шаоци.

«Двух светил на небе не бывает», — следуя этому древнему изречению, маршал тем не менее оказался не в силах избежать естественного почитания в массах, которое долгое время оставалось вполне сопоставимым с искусственно раздутым авторитетом Председателя; не удавалось ему и постоянно хранить молчание, когда вскоре после победы революции Мао Цзэдун повел страну тем самым «извилистым путем», который обернулся тупиком «культурной революции».

Не являвшееся свидетелем летописной ревизии более молодое и грамотное поколение китайцев также вполне готово непредвзято взглянуть на прошлое. Почва для адекватного понимания монографии Гу Цзэсюя не без успеха подготавливалась усилиями ряда представителей официальной историографии КНР, за последние десять лет значительно продвинувшихся в восстановлении подлинной персональной истории КПК.

Вместе с тем, следует признать, что в отличие от «неформального» течения в китайской историографии и трудов зарубежных ученых⁸, официальная историческая наука КНР еще не сделала принципиального шага на этом пути — роль и место Чжу Дэ в революционной борьбе и созидательной деятельности КПК так и не подверглись пересмотру по существу. В значительной мере воспроизводству ходульного, примитивного образа полководца способствуют художественно-публицистическая литература, печатные СМИ, телевидение и кино. Бдительно следят за чистотой канона «старые» и «новые» левые, с ходу предавая анафеме хоть в чем-то отличное от устоявшегося видение заслуг Чжу Дэ и Мао Цзэдуна⁹.

В результате ныне если и не доминирующим, то до конца далеко не искорененным остается подход к освещению биографии Чжу Дэ, предполагающий в максимуме отношение к нему как к ближайшему соратнику Председателя, видному партийцу и военачальнику, с колебаниями по минимуму от толкового «подручного» Чжоу Энляя либо Лю Шаоци¹⁰ до совсем уж «деревенского простачка», способного разве что таскать на себе мешки с просом для пропитания непонятно чем занятых бойцов.

Самым же порочным стереотипом восприятия Чжу Дэ в массовом сознании является его имидж улыбчивого и недалекого увальня, которому (при том что его некогда называли «красным Бонапартом») странным образом не свойственны ни твердость, ни решимость, ни жестокость (без чего он не дослужился бы и до комвзвода «классовой» армии). Но, главное — ему, прежде удостоенному титула «благословенный воин-ученый», не присущи ни чувство собственного достоинства, ни привычка самостоятельно мыслить. Такая изощренная подача исторической личности не оставляет ей ни малейшего шанса претендовать на что-то большее, нежели умиление обывателя.

И все же закоренелые догмы и табу, касающиеся личности Чжу Дэ, постепенно исчезают со страниц серьезных исторических изданий Китая. К качественно новым выводам и оценкам объективно подталкивает исследователей постоянно пополняющийся массив опубликованных документальных и мемуарных источников.

Общественный и исследовательский интерес в КНР к фигуре Чжу Дэ на протяжении последних десятилетий был постоянен, разве что заметно возрастая в связи с юбилейными датами¹¹. В 1978–2000 гг. количество публикаций его сочинений, посвя-

щенных ему биографических исследований и статей в исторической периодике составило более 400. В последнее десятилетие таких публикаций было несколько меньше, но они значительно превосходят материалы предшествовавших лет по уровню фундированности и полноты научного аппарата. В целом сдвиг от порожней риторики к вескому аргументу просматривается вполне определенно.

В исследованиях историков КНР намечился поворот к тем аспектам деятельности и мысли Чжу Дэ, которые ранее практически не затрагивались, например, к его роли в партийно-государственном, социально-экономическом и культурном строительстве после 1949 г. Особое место в ряду такого рода вопросов занимают те, что имеют отношение к активному участию главкома в разработке таких средств и методов продвижения к социализму — «социализму китайской формы», которые «отвечают особенностям Китая» и «имеют важнейшим критерием улучшение жизни народа».

В этой связи необходимо подчеркнуть, что в ряде работ обосновывается, хотя и довольно робко, совершенно немыслимый прежде тезис о формальном и репутационно-меритарном праве, которым обладал Чжу Дэ, — обращаться к партии и выходить в массы не только с некими «дополняющими», «развивающими идеи Мао Цзэдуна» призывами и сентенциями, но самостоятельно формулировать установки программного значения.

Такой подход имеет прямое отношение к пересмотру функциональной роли маршала в партийной истории. По мнению Цзян Тайжаня (на сегодняшний день, пожалуй, ведущего исследователя взглядов и деятельности Чжу Дэ), он выполнял «нейтрализаторскую, стабилизирующую» миссию, латентно смягчая проявления крайностей «правого» и левого толка и сводя разногласия в партийных верхах к компромиссу. Уникальная статусная позиция Чжу Дэ, считает Цзян Тайжань, обуславливалась двумя факторами: «высочайшим, уступавшим только Мао Цзэдуну» авторитетом и, в отличие от вождя, Лю Шаоци, Чжоу Эньлая и других руководителей партии, — «идентичностью позитивного восприятия» его большинством в КПК¹².

Так или иначе, к суждениям Чжу Дэ прислушивались, а это уже общепринятый тезис, благодаря его колоссальному опыту и знанию ситуации в стране (в части «изучения и обследований» на местах он не имел конкурентов в Политбюро). Как «реалистический стиль» определяет ряд исследователей и его незаурядную способность к теоретическим обобщениям и прогнозированию перспектив: в высшем эшелоне КПК главком едва ли не в единственном числе имел сколько-нибудь систематическое экономическое образование и признавался «наиболее читающим руководителем» — знатоком марксистской классики¹³.

Наконец, касаясь предпосылок включения Чжу Дэ в процесс теоретического поиска модели развития с учетом национального своеобразия, его современные биографы указывают, что ему раньше многих других руководителей КНР пришлось заняться хозяйственной работой. К 1949 г. он свободно ориентировался во многих проблемах аграрного сектора, производственной и снабженческо-сбытовой кооперации, торговли, получил представление о промышленных проблемах и инфраструктуре Северного Китая. Уже в 1946 г. он по поручению Мао Цзэдуна принял на себя ответственность за упорядочение и наращивание мощностей военно-промышленного комплекса в освобожденных районах и обеспечение полевых группировок НОАК необходимым снаряжением, боеприпасами и продовольствием¹⁴. Некоторые исследователи полагают, что навыки решения производственно-хозяйственных вопросов и интерес к изучению экономической науки главком приобрел еще раньше. В 1941 г., когда в опорных антияпонских базах КПК развернулось «движение за развитие производства», Чжу Дэ стал одним из инициаторов и непосредственным руководителем «движения» в северной Шэньси, провозгласив его основной це-

лью «улучшение материальной жизни народа»¹⁵. На наш взгляд, обращение биографов маршала к «наньнинваньской эпопее» и любопытно именно этим, важнейшим в социально-экономических воззрениях Чжу Дэ императивом, а не переносом «начала» его хозяйственных опытов на пять-шесть лет назад¹⁶.

Кроме того, как можно прочесть в некоторых материалах, взявшись за хозяйственную работу в 1940-е гг., Чжу Дэ еще до провозглашения КНР предупреждал о «больших трудностях», с которыми столкнется партия, если, сделав ставку на «новодемократическую экономику», сразу же не озаботится разработкой доктрины развития в формационных границах социализма. В отличие от тех, кто отводил «новой демократии» длительный срок существования и, более того, усматривал в ней по сути начальную фазу социалистического строительства (например Лю Шаоци), главком не питал иллюзий насчет энтузиазма буржуазии по поводу содействия делу своих могильщиков¹⁷.

Понятие «китайский социализм», а точнее «социализм китайской формы» (*чжунго шидэ шэхуэйчжун*), было озвучено Чжу Дэ в декабре 1965 г. на заседании ПК ВСНП 3-го созыва, что, как считают его нынешние биографы, является в КПК «хронологически первой» и «четко выраженной» постановкой задачи отыскания самобытного пути строительства социализма¹⁸. Другие пишущие о Чжу Дэ китайские авторы утверждают, что долго вынашиваемой мыслью о необходимости обрести «собственную дорогу, отказавшись от отживших схем» в социалистическом созидании, он публично поделился еще раньше, в марте 1963 г., в парткоме пров. Шэньси¹⁹.

Некоторая разница в датах не мешает, однако, тем и другим утверждать, что самым существенным в наследии главнокомандующего НОАК был не призыв к творческому осмыслению марксистской теории, каковых достаточно в партийной истории, но сама «доктрина специфически китайского социализма», к тому времени уже разработанная им и исподволь пропагандировавшаяся в партийных кругах. Так, Цзян Тайжань констатирует, что, несмотря на безусловно встречающиеся в работах и выступлениях Мао Цзэдуна, Лю Шаоци и Чжоу Эньлая сходные инициативы, «впервые идейная концепция “построения социализма китайской формы” была ясно выдвинута Чжу Дэ»²⁰.

В публикациях китайских историков анализируются, как правило, отдельные аспекты «доктрины Чжу Дэ о социализме». Материалов, претендующих на целостность ее подачи, не слишком много, что можно объяснить отчасти противоречиями самой методологии исследования «национальных» теорий социализма, отчасти — тем, что сам маршал никогда не претендовал на роль теоретика партии и, насколько известно, не пытался свести в некое единство свои действительно свежие идеи. В результате авторы, рассматривающие его взгляды суммарно, не могут не встать перед дилеммой: либо признать их оригинальными и самодостаточными, либо компромиссно констатировать, что инициативы Чжу Дэ «проторили дорогу Дэ Сяопину в оформлении его доктрины социализма с китайской окраской»²¹.

Впрочем, по крайней мере одна из попыток представить идеи Чжу Дэ о социализме связана с другим концептуальным подходом: в статье Сюй Сяньчуня воззрения маршала в совокупности (и по отдельности) трактуются как отрицание и альтернатива советской модели. Автор доказывает, что концепция «китайского социализма» Чжу Дэ формировалась по ходу неудачного применения КПК «омертвевших» принципов социально-экономического строительства, на которые ориентировалась КПСС, и, таким образом, шла в своем развитии «от противного»²². Такая точка зрения не получила распространения, оставшись достоянием историографии 1990-х гг.

Если отвлечься от замшелых идеологических оболочек, в которые облакаются представления Чжу Дэ о «китайском социализме» в выходящих в КНР статьях (как и от

либеральных фантазий, что также встречается в отдельных материалах), то соответствующие идеи маршала могут быть представлены следующим образом.

Исходным тезисом «социализма Чжу Дэ» является установка на безусловное признание главенствующим критерием всей деятельности КПК «неуклонное следование линии масс». Подлинное сплочение с массами, считал Чжу Дэ, может быть достигнуто исключительно на основе единства интересов народа и партии, в первую очередь одинакового с народом понимания партией важнейшей цели социалистического строительства — повышения жизненного уровня общества.

«Линию масс» считают центральным звеном социализма Чжу Дэ все его биографы. Но если большинство из них не стремится идти далее лексического обыгрывания старого лозунга, то отдельные исследователи указывают, хотя и не всегда отчетливо, на существенную особенность его трактовки маршалом. Он полагал, что ни о каком слиянии партии и народа не будет и речи, пока первая не осознает, что она не вправе вводить, ограничивать либо вовсе отменять «принцип неотъемлемой принадлежности орудий жизни и деятельности человеку». Без утверждения этого естественного принципа «напряженность в экономике и общественных настроениях» не преодолеть, и лишь усвоив его, можно всерьез рассчитывать на успехи в социалистическом строительстве²³.

Главную задачу партии после победы революции, подчеркивают исследователи, Чжу Дэ до последней минуты жизни видел во «всемерном развитии материального производства» («Производство всегда должно быть в фокусе внимания; партийно-административная, массовая работа — это само собою. Ради чего мы боремся? Ради производства»)²⁴ и в непременно сопутствующем ему «достижении зажиточности» людей («Разве решение производственных вопросов имеет целью плодить бедность?! Как раз напротив»)²⁵.

Если о необходимости поставить производство во главу угла говорили многие руководители КПК, то в тесной и безусловной увязке производственной сферы с постоянным повышением уровня жизни народа (а не с укреплением военно-экономической мощи государства) данный императив, по мнению некоторых авторов, изначально рассматривался только главкомом²⁶.

Первыми идеи Чжу Дэ о «достижении зажиточности» подробно исследовали еще в конце 1990-х гг. Ян Шаоань и Ван Аньпин, предложив в своей статье рассматривать эти идеи в качестве «неотъемлемого» и в то же время «самостоятельного учения», своего рода «компас», сверяться с которым «необходимо на протяжении всего пути продвижения к цели — построению высокоразвитого социализма»²⁷. По мнению этих авторов, складывание соответствующего «учения» относится к 1947–1948 гг., а не к периоду «урегулирования» последствий «большого скачка», как считалось ранее. Именно тогда Чжу Дэ стал усиленно пропагандировать мысль о том, что повышение зажиточности людей есть не просто следствие подъема производительных сил, но и неперемнная его предпосылка. «Надо справиться с опасениями насчет достижения зажиточности, — убеждал он соратников, — только тогда наступит производственный подъем»²⁸. В конечном счете в 1962 г. маршал сформулировал проблему так: «Лишь когда народ разбогатеет, станет возможным построение социализма»²⁹. Это заявление, как он не мог не знать, входило в явное противоречие с утверждением классиков марксизма о возможности наступления социализма с момента овладения пролетариатом «всеми средствами производства в целях их общественно-планомерного применения», или же построения «перевернутого государственно-монополистического капитализма», как утверждал В.И. Ленин.

Очень важным представляется и подчеркнутое Ян Шаоанем и Ван Аньпином положение о том, что Чжу Дэ не видел иной зажиточности, кроме «всеобщей». «Богатеть

должно не меньшинство; надо, чтобы богател коллектив, семья, каждый человек, все вместе... Смысл революции не в том, чтобы изгнать одних богачей и завести новых»³⁰.

Но что понимал Чжу Дэ под «заститочностью»? Сколь материально состоятельным он видел, к примеру, крестьянина? Ответ на этот вопрос в измерении номиналом никому не интересен, важно другое — предел «заступа в капитализм». Указанным китайским авторам этот предел известен: «[Крестьянин должен быть] богаче прежнего кулака»³¹. Их логическая цепочка подталкивает к искушению представить старого революционера-марксиста ревизионистом — разрушителем основ.

Между тем, как со всей очевидностью следует из их же работ (не говоря уже об источниках), Чжу Дэ абсолютно не тяготился «узостью» Марковского формата, а идеи Ленина и Бухарина, в частности относительно переходного к социализму этапа, самым внимательным образом изучал и активно интерпретировал с учетом условий Китая и истонных национальных традиций³².

Определившись с основной целью социалистической доктрины по Чжу Дэ в ее общественно-экономическом аспекте — всемерное развитие производительных сил и повышение благосостояния народа, биографы маршала с той или иной степенью детализации рассматривают механизмы ее достижения.

Исходной позицией в деле придания социализму импульса развития, по мнению Цзян Тайжана, Чжу Дэ считал «следование закону стоимости товара», «поддержание эквивалентного обмена», «увязывание интересов государства, хозяйствующего субъекта и отдельного труженика»³³. Особое место в этой сфере он отводил «разумному регулированию» экономической политики государства по оси «деревня (включая кустарную промышленность села) — город», которая предполагала бы для начала минимизацию изъятий из аграрного сектора по многократно заниженным ценам в счет поставок сверхдорогой промышленной продукции, ликвидацию ценовых ножниц как промежуточную норму и в качестве последующего ориентира — выход на «по-настоящему товарное производство и взаимовыгодное обращение»³⁴. В дальнейшем государство следует курсом поддержки большей свободы производителя и одновременно снижения правительственного участия в практике регулирования прибыли и убытков с помощью реальных цен, а не расчетов «с потолка». Данный, стоимостной, фактор как ничто иное будет «повышать доходы», «обеспечивать людям возможность становиться богаче», причем, что весьма важно, «не нарушая законодательства» и «не уходя в теневое предпринимательство»³⁵.

Отдельные исследователи при этом совершенно справедливо делают акцент на роли Чжу Дэ как пионера в разработке основ эффективной финансово-кредитной политики государства в условиях «работающего социализма». Именно ему, как утверждает Чэнь Юцунь, принадлежала инициатива создания в КНР всеохватывающей (до субуездного звена) единой банковской системы, способной аккумулировать инвестиции и кредитовать предприятия, а также отдельных товаропроизводителей оборотными средствами по приемлемым заемным ставкам³⁶.

Политически более «опасной» зоной внимания маршала, нежели товарно-денежные отношения, являлись проблемы собственности при социализме. Оставаясь в поле «первоисточников», Чжу Дэ, по мнению его биографов, не разделял точку зрения партийных экономистов-догматиков как в СССР, так и Китае относительно собственности на средства производства как краеугольной характеристики любой социально-экономической системы. Ему, подобно тогдашним реформаторам из восточноевропейских стран народной демократии, был присущ взгляд на многоукладность при социализме как совсем не противоречащую духу и букве марксизма. В выкладках классика Чжу Дэ занимали два постулата: 1) собственность в строгом смысле слова не сводится к вла-

дению средствами производства; 2) в разнообразии форм собственности всегда существует одна, которая и определяет систему в целом. Даже сталинский социализм, вполне укладываясь в схему, косвенно освящал наличие укладов — общенародного (государственного) и коллективного (кооперативного) — при господстве первого³⁷.

Термином «частная собственность» Чжу Дэ публично не злоупотреблял, предпочитая оперировать понятием «единоличной собственности»; в кулуарах же, по утверждению исследователя его взглядов Ляо Гайлуна, особых различий между ними он не проводил. Неизменным было то, что частная, или единоличная, собственность у маршала оставалась «подспорьем государственной собственности». Иными словами, равнозначными и, тем паче, равноправными эти уклады Чжу Дэ не считал³⁸.

Вместе с тем, очень любопытно наблюдающееся в некоторых статьях смещение акцента на общие оценки Чжу Дэ соотношения «государство — общество» в социально-экономической сфере. Некоторые цитируемые высказывания главкома совершенно определенно приводят читателя к заключению о приверженности Чжу Дэ прямым, а вовсе не обратным связям в этой паре: «Не государству, а главным образом самим массам суждено наладить жизнь»³⁹. В развитие сюжета подчеркивается трепетное отношение маршала (особенно характерное для позднейшего периода его жизни) к семье как «уникальной социальной ячейке», всегда игравшей в Китае не только важнейшую воспитательную роль, но и выполнявшую «функцию базисной хозяйственной единицы»⁴⁰. Как отмечают исследователи, ключ к успеху и путь к процветанию нации Чжу Дэ видел не в сугубо экономических, финансовых или научно-технических средствах, но прежде всего в сохранении и приумножении «обычаев семейного воспитания, семейного труда, отношений взаимной любви и ответственности внутри семьи»⁴¹. В доказательство некоторого «поворота» маршала к традиционным ценностям приводятся не раз звучавшие в различных аудиториях его слова о том, что «очень многое можно решить в опоре на семью, а не на общество»⁴².

Установив, как Чжу Дэ понимал вопрос о собственности, биографы выделяют следующий компонент в его представлениях о социализме. Речь идет о «свободном рынке», обоснование необходимости которого доставило маршалу куда как меньше идеологических неудобств, чем доктрина смешанной экономики. Рыночные отношения, подобно Бухарину периода *нэпа*, Чжу Дэ не считал «самой что ни на есть сердцевиной капитализма» в противоположность «капиталистической собственности». Отсюда его вполне откровенная апологетика рынка, основанная, по сути, на одном постулате: рыночный обмен в стране существовал испокон веку, всегда способствуя эффективности производственно-торговой сферы и материальной выгоде людей. Народ привык к рынку и нуждается в нем, «мы же с 50-х годов на протяжении длительного времени его уничтожали, сделав план единственным регулятором экономики», что «категорически неверно»⁴³.

Чжу Дэ, на взгляд китайских историков, «совершенно ясно указывал» также на негативные факторы, приносимые рынком в народное хозяйство. Чтобы «ограничить их влияние, — полагал он, — остается лишь свести в единое действенное целое способы административного и экономического характера»⁴⁴. Иными словами, панацеей рыночные механизмы маршал не считал, склоняясь к использованию для стимулирования хозяйственной активности всех имеющихся средств и принципов управления экономическими процессами. Что же касается деревни, кустарной промышленности и торговли, то к началу 1960-х г., как утверждает Цзян Тайжань, Чжу Дэ встал на позиции отрицания какого-либо государственного вмешательства в этот сектор и призывал «вообще ничего не ограничивать и никого не принуждать», иначе «голод будет сопровождать нас всегда»⁴⁵.

Системно важными социально-экономическими положениями «китайского социализма» Чжу Дэ в историографии КНР принято считать также его идеи относительно распределения материальных благ: «всестороннее осуществление принципа “каждому — по труду”», обеспечение условий для беспрепятственного “роста личных доходов людей в процессе воспроизводства общественного богатства”⁴⁶, свободы выбора форм хозяйствования («позволительны все способы организации труда»)⁴⁷, кардинальной оптимизации системы налогообложения (с широким применением фискальных преференций, временного освобождения от уплаты налогов, сокращения налоговых ставок и т.д.)⁴⁸.

К заслугам Чжу Дэ в деле осмысления природы социализма и путей построения процветающего социалистического общества биографы относят его предложения по внешней политике и внешнеэкономическим связям. Взгляды маршала на эту сферу деятельности государства получили довольно полное освещение в историографии КНР еще в середине 1990-х г. Сегодня выдвинутые им положения однозначно трактуются как «прямые предтечи политики открытости» современного этапа⁴⁹. Тогда же исследователи проблемы указали на тот факт, что Чжу Дэ одним из первых в руководстве КПК (апрель 1949 г.) предложил «не душить себя в идеологических тисках» и наряду с социалистическим лагерем устанавливать и расширять взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами мира независимо от их общественно-политического строя (в первую очередь с Японией и США), активно привлекать передовые иностранные технологии и капитал⁵⁰ для осуществления программ индустриализации, полномасштабно использовать экспортно-импортные возможности Сянган и Аомэнь, а также создать новые «внешнеэкономические опорные позиции» в Гуандуне и на о-ве Хайнань⁵¹.

По общему признанию пишущих о Чжу Дэ авторов, в ряду множества сложнейших проблем обновления социализма маршал придавал самое важное значение вопросам партийного строительства. В настоящее время это, пожалуй, единственный аспект его мыслительной и практической деятельности, который по значимости выведен китайскими историками на один уровень с идеями Мао Цзэдуна⁵². «Учение Чжу Дэ о правящей партии» (как это принято официально называть), будучи в основных чертах сформулировано в начале 1950-х гг., считают биографы маршала, оказало огромное влияние на последующие процессы модернизации страны⁵³.

Именно с этим утверждением согласиться трудно.

Во-первых, хотя бы потому, что воспринимать такие заявления как некий комплимент — значит попросту выхолостить представления Чжу Дэ о «подконтрольной нации», «основанной на принципах демократического централизма и коллективного руководства» компартии⁵⁴. Свои представления о том, как должно строить КПК, дабы обеспечить ей массовую поддержку, главком оглашал еще в пору борьбы в советских районах и защищал в ожесточенном конфликте 1928–1929 гг. с теми, кто усматривал в партии орудие диктатуры и диктатуру в качестве ее организационной основы. Персонифицировал такую позицию Мао Цзэдун. Этот факт опровергнуть трудно — он документально засвидетельствован в современной исторической литературе КНР⁵⁵.

Во-вторых, Чжу Дэ не оставил оригинальных и сколько-нибудь обобщенных мыслей о роли и характере правящей партии в условиях строительства «социализма по-китайски» (равно как и о ряде других немаловажных аспектах такого строительства — об общественной демократии, праве и законности, мере гражданской свободы и т.п.)⁵⁶. В целом и в частности его взгляды на партийное строительство не расходятся с принятой в 1921 г. известной ленинской резолюцией X съезда РКП (б) «О единстве партии». Кстати говоря, не без помощи формулировок из нее он весьма удачно пикировался на партконференциях 4-го корпуса в Фуцзяни с Мао Цзэдуном, малосведущим в этих вопро-

сах⁵⁷. Другое дело, что Чжу Дэ всеми силами старался избавить КПК от всего, что мешало ей проводить «линию масс». Понимал ли он, что построить партию иначе, нежели на основе автократии, было нельзя — этот вопрос остается без ответа.

Обладая редкостным даром предвидения⁵⁸, маршал оставался человеком своего века и, как нам кажется, особенно и не усердствовал в попытках заглянуть в далекое будущее. В Китае его времени нерешенных проблем хватало с избытком, и именно они поглощали все его внимание. В этом смысле Чжу Дэ следует считать выдающимся практиком-прагматиком, неплохо разбиравшимся в теории социализма, но лишенным доступа к реальным рычагам власти и механизмам реализации своих идей.

1. *Гу Цзэсюй*. Чжу Дэ бье чжуань — юй Мао Цзэдун энъэнь юаньюань [Другая биография Чжу Дэ: с милостью и ненавистью Мао Цзэдуна]. Сянган, 2010. Т. 1–2.
2. В основе работы Гу Цзэсюя лежит противопоставление Чжу Дэ и Мао Цзэдуна как носителей двух антагонистических начал — «демократии и диктатуры», «созидания и разрушения», «гармонии и борьбы», «мира и войны» и т.п.
3. Отечественные авторы, очевидно, стремясь к большей научной «объективности», отводят Чжу Дэ куда более скромное место, а порой вообще не упоминают его имя в связи даже с теми событиями и процессами в истории КПК, в которых ему принадлежала решающая роль, например: в создании Центрального советского района, разрешении бескровным путем внутрипартийного раскола 1935–1936 гг. и спасении таким образом большей части Красной армии от самоуничтожения, разработке военно-политической доктрины КПК («затяжной войны») в антияпонской войне, организации стратегической перегруппировки партии и ее вооруженных сил накануне и планировании всех крупнейших операций НОАК в ходе войны Освобождения (три из них он осуществлял непосредственное руководство), точном прогнозировании ее хода, сроков и деталей финала, формулировании основных задач и принципов социально-экономического строительства в переходный период и концепции «китайского социализма», ставшей важнейшим источником реформаторских идей Дэн Сяопина, и т.д.
4. Неприятие старшим поколением китайских коммунистов фальсифицированной истории партии и НОАК нашло приметное отражение в опубликованной пекинским журналом «Яньхуан чунцю» (известном своей довольно независимой позицией) статье Чжао Юйпина, в которой охарактеризован персональный вклад Чжу Дэ в дело военного строительства КПК и завоевание ею власти в стране. Статья примечательна тем, что написана на основе документальных свидетельств, собранных и сохраненных отцом автора — Чжао Пиньсанем, близко знавшим практически весь высший комсостав НОАК. Автор, не претендуя на обобщения и открытия, просто напоминает читателям, как на самом деле создавалась и крепла Красная армия, как одерживались победы над врагом, какой след оставил в этой эпопее Чжу Дэ. Выводы, к которым подводит материал Чжао Юйпина, мягко говоря, не совпадают с официальной версией истории вооруженной борьбы КПК и роли в ней Мао Цзэдуна. По мнению Чжао Юйпина, эта роль «ни на шаг не выходит за пределы его официального ранга политкомиссара при главнокомандующем». (*Чжао Юйпин*. Чжу Дэ: букэ тидайдэ цзунсылин [Чжу Дэ: незаменимый главком] // Яньхуан чуньюнь. 2009. № 7. С. 2).
5. Впервые о том, что такие идеи существуют, заявил Чэнь И на VII съезде КПК в 1945 г., правда, назвав их для пробы «военной школой» Мао Цзэдуна (*Мао Цзэдун цзюньши сюэпай*), поскольку прежде партия знала только о «военных идеях Чжу Дэ». В обоснование тезиса он, в частности, сказал, что «в последние 60 лет в Китае не было национальной военной науки, не было и ни одного военного деятеля, способного генерировать национальные военные идеи, но этот недостаток исправил Мао Цзэдун, создавший истинную военную науку в стране». Цит. по: Чэнь И чжуань [Биография Чэнь И]. Пекин, 1993. С. 321.
6. В этом смысле знаковым стало исчезновение Чжу Дэ с официальных фотографий агентства Синьхуа, запечатлевших церемонию провозглашения КНР. Его выход из кадра с намерением помочь репортеру сделать исторический снимок Мао Цзэдуна, объявлявшего миру о создании Нового Китая, обыкновенно воспринимается китайскими историками-неформалами как якобы желание освободить вождя от необходимости наперед делить величие с кем бы то ни было еще (см., например: *Гу Цзэсюй*. Указ. соч. Т. 2. С. 747). Вряд ли это так, но поступок главкома все

равно символичен — ведь никому из стоявших рядом с ним более молодых и менее знаменитых соратников такое и в голову не пришло. Важнее в этой истории другое — факт снятия буквально накануне торжеств портрета Чжу Дэ с ворот Тяньаньмэнь, где он с апреля 1949 г. соседствовал с портретом Мао.

7. К тому времени из продукций агитпропа было убрано практически все, что прославляло главкома или просто вызывало ассоциации с его именем (портреты, плакаты-здравицы, цитаты из высказываний и т.п.), подправлен текст знаменитого «Марша НОАК», в котором «знамя Чжу Дэ» преобразилось в «знамя Мао Цзэдуна», и многое другое.
8. Одной из самых последних работ, убедительно доказывающих, к примеру, неоспоримую роль Чжу Дэ как родоначальника китайской Красной армии, создателей ее тактики и стратегии, основ военного строительства КПК, является докторская диссертация американского синоведа М. Расселла: *Russell M.W. From Imperial Soldier to Communist General: the Early Career of Zhu De and His Influence on the Formation of the Chinese Red Army*. Ann Arbor, MI, 2009.
9. Упомянутая статья Чжао Юйпина, например, вызвала бурю возмущения у охранителей, требовавших «впредь лжецов к трибуне не допускать», а журнал — «прикрыть». (*Гу Цзэсюй*. Указ. соч. Т. 2. С. 959).
10. Если в качестве «подмастерья» у Чжоу Эньлая главком выводился в исторической литературе КНР изначально (сам Чжу Дэ намеренно подыгрывал таким умозаключениям), то в последние годы проявились еще и тенденции к изображению его неким великовозрастным «мальчиком» при Лю Шаоци, что, впрочем, корреспондирует с общей тенденцией в китайской и российской историографии к выпячиванию роли последнего и даже приписыванию ему авторства целого ряда идей, принадлежавших Чжан Вэньтяню, Дун Биу, Жэнь Биши или тому же Чжу Дэ, а также замалчиванию негативных сторон деятельности «второго лица в партии» (первенство в раздувании культа личности Мао, в инициировании «независимой», т.е. враждебной Гоминьдану и делу национального сопротивления политики КПК в антияпонской войне, всемерная поддержка расстрельных репрессий в отношении «контрреволюционеров» в 1950–1951 гг. и проч.).
11. К числу наиболее заметных изданий, посвященных Чжу Дэ и вышедших в свет в последнее десятилетие, относятся следующие: Хуашо Чжу Дэ — чжицинчжэ фантаньлу [Поговорим о Чжу Дэ: интервью с посвященными]. Пекин, 2000; *То Пин*. Чжу Дэ юй чжунгун данши чжунда шицзянь [Чжу Дэ и важнейшие события в истории КПК]. Пекин, 2001; *Лю Сюэминь*. Чжу Дэ дэ фэйчан чжи лу [Необыкновенный путь Чжу Дэ]. Пекин, 2001; *Яо Цзяньпин*. Чжу Дэ дэ цзуйхоу суйюэ [Последние годы жизни Чжу Дэ]. Пекин, 2002; Чжу Дэ цзышу [Автобиографические записки Чжу Дэ]. Пекин, 2003; Чжу Дэ няньпу [Биографическая хроника Чжу Дэ]. Т. 1–3. Пекин, 2006 и др. Подробный анализ социально-экономических взглядов Чжу Дэ представлен в монографии: *Сюй Ли* Исследование идей Чжу Дэ по экономическому строительству [Чжу Дэ цзинци цзяньшэ сысян яньцзю]. Пекин, 1999. В 2009 г. в Центре партийной документации ЦК КПК основан сектор изучения наследия Чжу Дэ с «приоритетной задачей исследования и пропаганды его идей, касающихся строительства социализма». Традицией стали регулярные всекитайские научные конференции, на которых историки партии и биографы маршала делятся результатами своей исследовательской работы. Значительно расширилась география публикаций о Чжу Дэ, которые можно найти практически во всех периодических научных изданиях КНР гуманитарного профиля.
12. См.: *Цзян Тайжань*, *Сюй Фэнхуа*. Чжу Дэ юй чжунгун дии дай линдао цзитидэ синчэн [Чжу Дэ и складывание коллективного руководства КПК первого поколения] // *Наньчан дасюэ сюэбао*. 2004. № 4. С. 29–34. Авторы статьи, выдвигая маршала на второе после Мао место в реальной иерархии КПК, прямо апеллируют к мнению Бо Ибо, который первым из известных деятелей КНР поставил вопрос о пересмотре устоявшихся взглядов на личность Чжу Дэ, превосходившего по своему таланту, на его взгляд, всех без исключения партийных лидеров, кроме Председателя (см.: Хуашо Чжу Дэ — чжицинчжэ фантаньлу. С. 283).
13. См.: *Ляо Синьвэнь*. Чжу Дэ юй дяоча яньцзю [Чжу Дэ в деле обследования и изучения] // *Дандэ вэньсянь*. 2007. № 3. С. 46–53; *Сюй Ли*. Цяньтань Чжу Дэ юаньцзянь чжошидэ цзинци гуаньдянь [О дальновидности и прозорливости экономических воззрений Чжу Дэ] // *Мао Цзэдун сысян яньцзю*. 2007. № 1. С. 63. Ян Гуасун в своей статье о пребывании Чжу Дэ за границей в середине 1920-х годов отмечает, что маршал с юношеских лет испытывал интерес к экономическим проблемам и потому, оказавшись на учебе в Германии (Геттингенский университет) и СССР (КУТВ), неизменно посещал лекции по теории экономики и экономической географии,

- усиленно занимался самообразованием. (*Ян Гуасун*. Гуаньюй Чжу Дэ цюй Сулянь сюэси дэ бэйцзин цзыляо [О неизвестных документах, касающихся учебы Чжу Дэ в Советском Союзе] // Дандэ вэньсянь. 1994. № 3. С. 95–96).
14. *Цзян Тецзюнь*. Шилунь Чжу Дэ цзай цзефан чжаньчжэн чжундэ лиши дивэй хэ цзоюн [Об исторической роли и месте Чжу Дэ в войне Освобождения] // Цзюньши лиши. 2007. № 1. С. 3–9.
 15. Чжунго гунчаньдан юй канжи чжаньчжэн [КПК и война сопротивления Японии]. Пекин, 2005. Т. 1. С. 365.
 16. Никто из пишущих о Чжу Дэ авторов не принимает в расчет довольно продолжительный период его «милитаристской» карьеры. Именно тогда, до вступления в КПК, когда он был «полновластным хозяином» двух уездов в Сычуани и позднее членом юньнаньского военного правительства, ему пришлось впервые заняться практическим решением самых разных социально-экономических проблем.
 17. *Лю Сюэминь*. Указ. соч. С. 170–171.
 18. См.: *Ли Сяонин*. Чжу Дэ цзай дяоча яньцзю чжундэ тичудэ жогань цзинцзи цзяньшэ сысян таньси [О некоторых идеях Чжу Дэ по социально-экономическому строительству, выдвинутых в ходе обследования и изучения] // Дандэ вэньсянь. 2003. № 5. С. 59–62; *Чжан Дунмин*. Чжу Дэ: дяоча яньцзю дэ каймо [Чжу Дэ: образец для подражания в обследовании и изучении] // Данши вэньхуэй. 2007. № 2. С. 44–45.
 19. *Цзян Тайжань*. Чжу Дэ «цзяньшэ чжунго шидэ шэхуэйчжуи» яньцзю шупин [Обзор исследований, связанных со «строительством китайского социализма» Чжу Дэ] // Дандай Чжунго ши яньцзю. 2006. № 6. С. 60–61.
 20. Там же. С. 65–66.
 21. *Цзян Тайжань*, *Сюй Фэнхуа*. Указ. соч. С. 33.
 22. *Сюй Сяньчунь*. Чжу Дэ дуй цзихуа цзинцзи тичжидэ фаньсы [Критические взгляды Чжу Дэ на плановую экономическую систему] // Яньбянь дасюэ сюэбао. 1999. № 3. С. 5–9.
 23. Цит. по: *Ван Яньминь*. Чжу Дэ дэ хэсе сысян [Идеи Чжу Дэ о гармонии] // Аньхуэй шисюэ. 2007. № 1. С. 70–71.
 24. Чжу Дэ сюаньцзи [Избранные произведения Чжу Дэ]. Пекин, 1983. С. 213.
 25. Хуашо Чжу Дэ — чжицинчжэ фантаньлу. С. 363.
 26. См.: *Ван Яньминь*. Указ. соч. С. 69.
 27. *Ян Шаоань*, *Ван Аньпин*. Чжу Дэ дэ чжифу сысян [Идеи Чжу Дэ о достижении зажиточности] // Дандэ вэньсянь. 1998. № 5. С. 52.
 28. Чжу Дэ няньпу. Т. 3. С. 1795.
 29. Там же. С. 1827.
 30. Хуашо Чжу Дэ — чжицинчжэ фантаньлу. С. 375.
 31. *Ян Шаоань*, *Ван Аньпин*. Указ. соч. С. 53.
 32. См.: *То Пин*. Указ. соч. С. 361–362.
 33. Чжу Дэ юаньшуай фэнбэй юнцунь [Вечно живое, богатое наследие маршала Чжу Дэ]. Шанхай, 1986. С. 386.
 34. Там же. С. 386–387.
 35. Там же. С. 387.
 36. Чэнь Юцюнь, пожалуй, первым из биографов Чжу Дэ отказался от плакатно-пропагандистского стиля описания его идей и деятельности. Именно он еще в 1984 г. в скромной по объему статье в сборнике «Биографии военачальников НОА» указал, в частности, на выдающийся вклад маршала в разработку основных направлений социально-экономического строительства в КНР, в том числе в банковской сфере, в области финансов, налогообложения и т.п. (*Чэнь Юцюнь*. Чжу Дэ) // Цзефанцзюнь цзянлин чжуань. Т. 1. Пекин, 1984. С. 261–262.
 37. См., например.: *Сюй Ли*. Чжу Дэ цзинцзи цзяньшэ сысян яньцзю. С. 34; *Сун И*. Чжу Дэ дэ шиши цюйши сысян цзи ци циши [Идеи Чжу Дэ о реалистическом подходе и их сущность] // Чунцин кэцзи сюэюань сюэбао [Шэхуэй кэсюэ бань]. 2009. № 2. С. 8.
 38. *Ляо Гайлун*. Чжу Дэ дуй таньсо шэхуэйчжуи цзяньшэ синь даолу дэ чжуньяо гунсянь [Важный вклад Чжу Дэ в поиски новых путей строительства социализма] // Дандэ вэньсянь. 1996. № 3. С. 45.
 39. Чжу Дэ няньпу. Т. 3. С. 1724.
 40. Там же.
 41. Там же. С. 1725.

42. *Вэй Фэнь*. Цун цзятин цзяоюй кань Чжу Дэ дэ сысян пиньгэ [О природе идей Чжу Дэ с точки зрения семейного воспитания] // Дандэ вэньсянь. 2007. № 1. С. 22–27.
43. Чжу Дэ няньпу. Т. 3. С. 1727.
44. Хуашо Чжу Дэ — чжицинчжэ фантаньлу. С. 394–395.
45. *Цзян Тайжань*. Лунь Чжу Дэ «чжунго шидэ шэхуэйчжуи» сысяндэ чэньинь юй гунсянь [Генезис идей и вклад Чжу Дэ в разработку «социализма китайской формы»] // Синьйюй гаочжуань сюэбао. 2003. № 4. С. 19–22.
46. Цит. по: *Ли Сяонин*. Указ. соч. С. 59.
47. Там же.
48. *Ян Шаоань, Ван Аньпин*. Указ. соч. С. 52.
49. *Ван Цзии*. Чжу Дэ дуйвай маон сысян таньси [Анализ идей Чжу Дэ о внешней торговле] // Дандэ вэньсянь. 2006. № 6. С. 12.
50. См. например.: *Сюй Сяоинь*. Чжу Дэ дэ дуйвай кайфан сысян яньцзю [Исследование идей Чжу Дэ об открытости внешнему миру] // Цзянхань луньтай. 1997. № 6. С. 50–53. По мнению Ян Шаоаня, Чжу Дэ заявил о себе как убежденном стороннике внешней политики КПК «без идеологических ограничений» задолго до провозглашения КНР и утверждал, к примеру, что важнейшим способом превращения Китая из аграрной страны в индустриальную является развитие внешних связей. (*Ян Шаоань*. Чжу Дэ дуйвай кайфан сысян шулунь [Обзор идей Чжу Дэ об открытости внешнему миру] // Сычуань шифань сюэюань сюэбао. 1997. № 3. С. 11.
51. *Ван Цзии*. Указ. соч. С. 14.
52. Не далее как в октябре 2010 г. в Пекине состоялся представительный научный симпозиум, участники которого обсудили итоги исследований «выдающегося вклада Мао Цзэдуна и Чжу Дэ в развитие теории правящей марксистско-ленинской партии», наметили направления дальнейшей работы. (Чжунго лиши яньцзю дунтай. 2010. № 12. С. 3).
53. См., например: *То Пин*. Чжу Дэ чжичжэндан цзяньшэ сысян яньцзю [Исследуя идеи Чжу Дэ о строительстве правящей партии] // Гуйчжоу шэхуэй кэсюэ. 2003. № 4. С. 88–91; *Лу Сунган*. Чжу Дэ дуй чжунгундан ши дэ цзунцзе (Чжу Дэ об истории КПК) // Мао Цзэдун сысян яньцзю. 2007. № 2. С. 76.
54. Чжу Дэ сюаньцзи. С. 379.
55. См., например: Гэньжэ Мао Цзэдун да Тянься (Вместе с Мао Цзэдуном к завоеванию Поднебесной). Т. 1. Чанша, 2009. С. 34–68.
56. В этом плане речь скорее должна идти не о Чжу Дэ, а его ближайшем друге и единомышленнике Дун Биу, первым среди руководителей партии призвавшим «опираться на закон в управлении государством», а также «развивать основы политической демократии».
57. См.: *Чжэоу Бинцинь*. Сяо Кэ цзянцзюнь юй гунхэго юаньшуай дэ сяньши сяньцзю [Генерал Сяо Кэ и его общение с маршалами Республики] // Байняньчао. 2009. № 1. С. 31.
58. Таланту Чжу Дэ к точному прогнозированию посвящено немало материалов в исторической периодике КНР последних лет. См., например: *Сюй Ли*. Цяньтань Чжу Дэ юаньцзянь чжоши дэ цзинцзи гуаньдянь. С. 62–65.